

АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ДОЯРЕНКО

Алексей Григорьевич Дояренко (15 (24) марта 1874, д. Терешково, Сумского уезда, Харьковская губерния — 9 мая 1958, Саратов) — российский учёный, агрофизик; профессор.

Родился в крестьянской семье. Отец рано оставил семью. Мать, Марфа Савельевна, работала экономкой в селе Марковка. В 1892 году с золотой медалью окончил Сумскую гимназию и поступил в Петербургский университет.

В 1898 году окончил естественное отделение физико-математического факультета и одновременно окончил вольнослушателем юридический факультет того же университета, а также Петербургскую консерваторию по классу композиции и оркестровки. В этом же году поступил в Московский сельскохозяйственный институт, который окончил в 1900 году.

В 1900 году вышла первая публикация — статья «Гуминовые вещества как азотистая составная часть почвы» в «Известиях Московского сельскохозяйственного института».

В 1901—1930 годах работал в Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. В 1901 году начал работу ассистентом Д. Н. Прянишникова при кафедре удобрения и частного земледелия ТСХА. Стал помощником редактора журнала «Вестник сельского хозяйства», органа Московского общества сельского хозяйства. В 1905 году утверждён редактором этого журнала.

В 1908 организовал приват-доцентский курс по опытному делу с систематическим посещением опытных учреждений, а в 1912 и издание справочника по ним. Организовал Высшие женские сель-

скохозяйственные курсы и повторные курсы для агрономов.

В 1910 организовал Опытное поле. Представил в Учёный совет магистерскую диссертацию «К изучению азрации почвы». Приступил к разработке основ агрофизики и методики опытного дела.

В 1914 избран профессором кафедры общего земледелия Петровской сельскохозяйственной академии.

В 1918 участвовал в создании Бюро Всероссийских съездов по опытному делу.

«Практический курс полеводства» для крестьян в Московской области, 1918 год

27 августа 1921 года арестован вместе с другими членами Помгола, вскоре освобождён.

В 1922 участвовал в организации и работе третьего Всероссийского агрономического съезда.

В 1924 организовал «Научно-агрономический журнал». Вёл практический курс полеводства для крестьян на опытном поле.

В 1930 году арестован по делу "Трудовой крестьянской партии". На процессе ему была уготована роль "министра сельского хозяйства" "коалиционного правительства". 6 января 1932 коллегия ОГПУ вынесла постановление А. Г. Дояренко заключить в концлагерь на 5 лет. В заключении до 1935 года в Суздальском политизоляторе. В 1935—1939 в ссылке в Кирове.

В 1939—1948 работал в Институте зернового хозяйства Юго-Востока (Саратов).

В 1950 вышел на пенсию. Писал автобиографическую повесть «Из агрономического прошлого».

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

ТАКИМ ЕГО И ЗАПОМНИЛИ (ВОСПОМИНАНИЯ О А.Г. ДОЯРЕНКО)

Чижова Г.Б. - Институт Юго-Востока, САРАТОВ

Конечно, наше детство было очень трудным и оно многому научило нас - ответственности, трудолюбию, целеустремленности и умению помнить и ценить то хорошее, что давали нам в эти трудные времена люди, окружающие нас.

Мы – дети тех военных лет, и по сей день с радостью вспоминаем, какую замечательную «вокально-танцевально-драматическую студию» создали для нас наш «дедушка Дояренко» с Ольгой Петровной Филатовой, отвоевав у дирекции для наших репетиций актовый зал в институте.

Алексей Григорьевич был композитором; его романсы на стихи Федора Тютчева, Ивана Бунина,

Гейне звучали не раз на институтских концертах. Им также была поставлена опера, на детский сюжет, композитором которой он также являлся. Он сочинял музыку к нашим детским постановкам, а на стене своей большой комнаты создал для нас «Малую Третьяковскую галерею» из репродукций подлинников Московской галереи. Она была задернута большим марлевым занавесом, который открывался только тогда, когда собирались большие или маленькие зрители-слушатели.

Мы никогда не забудем Алексея Григорьевича. Дети любили его очень, а точнее, обожали, не только потому, что он организовал студию и часа-

ми сопровождал нас на рояле, и не потому, что с увлечением нам рассказывал о каждой картине в своей «Малой Третьяковской галерее» и создал прекрасный гербарий в своем небольшом саду, а просто потому, что он был для нас добрым гением и нашим учителем по многим жизненным вопросам.

Я помню, когда «дедушка Дояренко» приехал на нашу территорию, мы, дети дома научных сотрудников, были еще малы, нам было по 5-8 лет. И когда он шел к нам навстречу в своей всегда безукоризненно свежей и наглаженной чесучовой блузе, с палкой с красивым набалдашником, мы с восторженными криками бросались к нему навстречу, а он, разводя в сторону руки, принимал нас в свои объятия.

Но он также умел быть требовательным и даже жестким к нам, когда это было необходимо. Один из нас (мне не хочется называть его имени), уже будучи взрослым человеком, как-то с восхищением вспоминая «дедушку» в кругу своих друзей, поведал нам такую произошедшую с ним историю.

В те далекие годы ему, тогда маленькому мальчугану, вдруг безумно захотелось полакомиться свежими гроздьями золотистой смородины, которыми нас угощал Алексей Григорьевич из своего сада. И он рискнул забраться туда, но был замечен и даже окликнут хозяином сада по имени. Мальчик бросился наутек и был таков. И буквально на следующий день после позорного события «дедушка Дояренко» как всегда при встрече обняв и обласкав нас, упрекнул маленького жулика, влезшего в его сад, в нечестности, на что тот, правдиво глядя в его глаза, громко заявил: «Это был совсем не я!»

И тогда обожаемый нами «дедушка» вдруг посуровел, отвел мальчика в сторону и очень твердо сказал ему, что если он завтра не придет к нему с повинной, то их дружбе навсегда конец! Кроме того, «герой» приобретет сразу три качества непорядочного человека. Во-первых, он останется вором навсегда, так как не сознался, что взял чужое, во-вторых, останется трусом навсегда, так как боится признаться в содеянном, а также он останется, ко всему прочему, жалким лжецом для всех, а это большой позор для его репутации.

А вот сознался ли виновник в своем грехе, моя память почему-то не удержала. Но зато через толщу

ушедших лет я запомнила эту поучительную историю, которая свидетельствует, каким прекрасным, умным и выдержанным воспитателем был наш любимый «дедушка Дояренко».

Между прочим, Алексей Григорьевич был активным сторонником, так сказать, «свободного детского воспитания». Только при наличии вольной инициативы ребенка, из него может вырасти личность с творческим подходом ко многим жизненным вопросам, считал он.

Впрочем, мы, дети этого периода, мне думается, невольно получили именно такое воспитание. Родители не имели возможности «вылепливать» нашу суть по какой-то определенной продуманной системе, о чем сетовал отец в своем дневнике. Но зато они невольно своим личным примером во многих жизненных вопросах прививали нам понятие о чести, ответственности, взаимопомощи, дружбе и пр. И еще мы жили в атмосфере, где взрослые не злоупотребляли воспитательными методами поучений и особых запретов. Но справедливости ради надо признаться, что такое потворство нашей свободе приводило иногда к весьма нежелательным результатам.

Так, например, в раннем детстве я из-за чрезмерной своей инициативности чуть не накликнула большую беду на своего отца. В наш институт приехал один из главных вождей того времени, нарком легкой промышленности, сам Анастас Микоян. Было это, когда в стране уже появилось зловещее понятие – «враг народа». Встретили его около здания «Селекция» очень пышно: было много народа, гремела музыка, все утопало в цветах. У черной лакированной машины вождя выстроилась вся слава института – академики и все крупные ученые того времени. Присутствовал среди научных работников и мой отец.

Нас, детей, в детском саду предупредили, что дядя Микоян является директором всех кондитерских фабрик нашей необъятной страны. По-видимому, поэтому у меня созрело такое благородное решение лично встретить его с букетом придорожных лютиков, которые я незамедлительно здесь же в посадках и нарвала.

Как это все произошло потом, мне позже с большими подробностями рассказывали мои родители. Кстати, это событие прочно вошло в нашу, так сказать, семейную хронику. Но моя память совершенно четко зафиксировала тот момент, когда Анастас Иванович выбрался из своей машины, а я, минуя все кордоны, побежала к нему и протянула этот потрясающий по скромности букетик.

Он поднял меня на руки и вручил большую подарочную конфету «Косолапый мишка». И, по-видимому, в благодарность за его радушие и доброту я громко заявила, что знаю всех вождей. Он погладил меня по головке и спросил: «А врагов народа ты тоже знаешь?» А я знала их наперечет, так как нас этому учили в садике. И я бойко начала: «Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков...». Здесь я споткнулась, помолчала и почему-то назвала самую популярную фамилию в те времена: первого маршала страны – Клима Ворошилова. Он считался большим

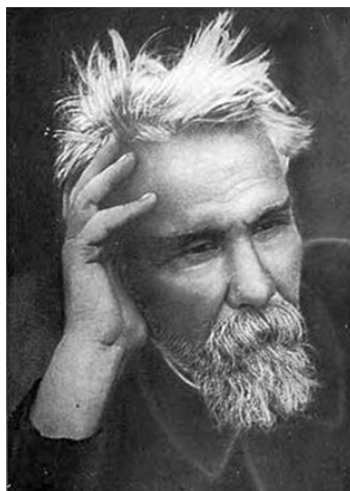
Хор под руководством А.Г. Дояренко (1944 г.)

другом детей, и мы все с большим чувством декламировали стихотворение, которое начиналось словами: «Климу Ворошилову письмо я написал: «Товарищ Ворошилов, народный комиссар...» и т.д. А я, малолетка, поставившая себя в данном случае в положение неформалки, и чувствовавшая свою полную независимость, произнесла эту фамилию – «Ворошилов». По-видимому, у меня произошло головокружение от успехов.

Кто-то в толпе делегатов ахнул, а потом кругом стало тихо, подозрительно тихо. Я поняла, что сделала что-то не то, и испугалась. Отец потом рассказывал, что в этот момент его бросило в жар, а потом в холод, и он покрылся весь обильным потом.

Но надо отдать справедливость вождю Анастасу Микояну – он не растерялся и все тут же сгладил. Он лучезарно и по-доброму улыбнулся и сказал: «А вот здесь ты, девочка, что-то явно путаешь. Да, ты еще совсем маленькая». Сказал, словно поставил своеобразный диагноз – «Невиновна!». Он опустил меня на землю в прямом и переносном смысле. Но главное, что пронесло! Пронесло по сути – отца не арестовали, но он рассказывал, что все-таки многие сотрудники, проходя мимо него, стали прятать свои глаза. Можно ли их осуждать за это? Ведь «чер-

ное воронье» крыло страха накрыло тогда всю страну. И в это трагическое время результат моего «свободного воспитания» и раскованных эмоций мог бы оказаться более чем плачевным, если бы не «заступничество» самого Анастаса Ивановича Микояна!

Но Алексей Григорьевич Дояренко логически отстаивал свои принципы «свободного воспитания».

И, кроме того, он верил, что в таких трудных условиях военных лет из нас должны вырасти очень энергичные, честные и обязательно жизнеспособные люди.

И он не ошибся: институтская детвора 30-40 годов превратилась в интересных и целеустремленных юношей и девушек. Они легко потом поступили в вузы и не только Саратовские, но и столичные, а потом многие закончили аспирантуру и почти все работали руководителями на производствах и в институтах.

Мой одноклассник Саша Исаев стал академиком, а в горбачевские времена – членом правительства. Володя Лопато, сосед по подъезду – друг моего дет-

ства и юности, стал командиром подводных лодок. В известного специалиста в нашей области вырос Володя Калачев – он многие годы был главным инженером управления «Саратовоблгаз».

Алексей Григорьевич Дояренко, живший в соседней с нами квартире, был очень интересный, яркий человек, большой ученый.

Его называли шутя «ссылный профессор», т.к. он приехал из Москвы к нам в институт зернового хозяйства и поселился в нашем доме. Он был переселен из Московской сельскохозяйственной Тимирязевской академии в Саратов, как говорили, «за вольнодумство».

Алексей Григорьевич окончил естественный и юридический факультеты (последний без защиты диплома) Петербургского университета. Также, записавшись слушателем в Петербургскую конференцию, он изучил курс «композиции и оркестровки», которыми руководил сам Н.А.Римский-Корсаков. Кроме того, А.Г.Дояренко многим увлекался и изучал многие науки: музыку, ботанику, математику, механику, античную и современную литературу, также он был полиглотом.

Я помню эту картину, как будто бы это было вчера: за нашим большим семейным столом с низким оранжевым абажуром, куда Алексей Григорьевич часто приглашался родителями на вечерний чай, он читал газеты, которые ему присылали из Москвы, на разных языках, и сразу переводил их текст на русский язык.

Алексей Григорьевич Дояренко был очень крупным ученым, которого чтили не только в Советском Союзе, но и за границей. О его научных заслугах представлен обширный материал в сельскохозяйственной энциклопедии. Ученый А.Г.Дояренко был агроном, растениевод, агрофизик, агрохимик. Он первый внес в науку метод математической статистики. Им было опубликовано более четырехсот научных и научно-популярных работ. Кроме того, он обладал большим талантом – любовью к людям и исключительно радушным отношением к нам – детям. Недаром в Тимирязевской академии его с уважением называли «общественный профессор».

Приехав к нам в институт и живя на нашей территории долгие годы, он во время войны скрасил всем это тяжелое время, а нашу жизнь, жизнь детей, сделал содержательной и интересной.

Его небольшая комната была превращена в своеобразный центр столичной культуры, особенно в годы войны, когда люди шли к нему потоком. Там при тусклой копилке читались захватывающие интересные лекции, иногда для одиночных, а иногда и для многочисленных слушателей. Все знавшие его люди преклонялись перед умом, образованностью и неординарной добротой Алексея Григорьевича.

Таким мы его и запомнили.

«Приняв живое за основу,
Терпимый к мысли, чуткий к слову,
Всегда исполнен новых сил,
И независимо, и смело

И выступал, и говорил.
Вершитель опытного дела,
Профессор весь теперь седой,
Но все такой же молодой».